

Р.Э. Абдулов¹, О.О. Комолов², Т.Д. Степанова³

КРИЗИС АМЕРИКАНСКОГО ЦИКЛА НАКОПЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ КИТАЯ В БОРЬБЕ ЗА МЕСТО НОВОГО ГЕГЕМОНА*

Ключевые слова: *глобализация, Китай, США, технологический уклад, черная металлургия.*

Деглобализация и системные циклы накопления капитала

Мировая экономика находится на этапе деглобализации, начавшейся после преодоления острой фазы мирового финансового кризиса 2007-2009 гг. Об этом свидетельствуют снижение интенсивности международных экономических связей, рост протекционистских тенденций и усиление политической напряженности в мире (Комолов, 2018). С позиций мир-системного анализа движение капиталистической экономики характеризуется последовательным расширением интеграционных связей между субъектами мировой экономики, которое сменяется периодами дезинтеграции. Смена этих фаз обусловлена циклическим характером развития капиталистического способа производства. Наиболее последовательно он описан

в работах итальянского экономиста Дж. Арриги, который выделил несколько его этапов – системных циклов накопления капитала (СЦНК), состоящих из двух фаз: «накопления материального капитала и финансовой экспансии, которые он строит по известной формуле Маркса $D - T - D'$: на фазах материальной экспансии денежный капитал «приводит в движение» растущую массу товаров, включая товаризованную рабочую силу и природные ресурсы; а на фазах финансовой экспансии растущая масса денежного капитала «освобождается» от своей товарной формы, и накопление осуществляется посредством финансовых сделок, как в сокращенной формуле у Маркса: $D - D'$ » (Арриги, 2006. С. 44). Применяя данную конструкцию для анализа капитализма как мир-системы, Арриги выделил четыре системных цик-

¹ **Абдулов Рафаэль Энварович**, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, НИЯУ МИФИ, Москва, Россия (*r.abdulov@mail.ru*).

² **Комолов Олег Олегович**, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики РАН, доцент Финансового Университета при Правительстве РФ, Москва, Россия (*oleg_komolov@mail.ru*).

³ **Степанова Тамара Дмитриевна**, аспирант, инженер кафедры МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*tamm.st@yandex.ru*).

***Цитирование:** Абдулов Р.Э., Комолов О.О., Степанова Т.Д. (2021). Кризис американского цикла накопления и перспективы Китая в борьбе за место нового гегемона // Вопросы политической экономии. № 1 (25). С. 78-102.

DOI: 10.5281/zenodo.4666089 (<https://zenodo.org/record/4666089>)

ла накопления, «каждый из которых характеризуется фундаментальным единством основной движущей силы и структуры мировых процессов накопления капитала: генуэзский цикл XV–начала XVII века, голландский цикл конца XVI–третьей четверти XVIII века, британский цикл второй половины XVIII–начала XX века и американский цикл, который начался в конце XIX века и продолжается на нынешней фазе финансовой экспансии» (Арриги, 2006. С. 45). В рамках каждого СЦНК существует свой гегемон, концентрирующий вокруг себя страны центра мирового капитализма, которые в свою очередь, выражаясь понятиями И. Валлерстайна (Валлерстайн, 2001), подчиняют себе периферию и полупериферию. В каждом СЦНК возникают точки качественного изменения системы, которые выражают момент наступления кризисов двух типов: сигнального и терминального. Под первым понимается переход системы из фазы материальной экспансии в финансовую, что сопровождается ускорением глобализации. Второй тип кризиса знаменует переход к следующему циклу накопления с доминированием нового гегемона в мир-экономике. Борьба за доминирование сопровождается глобальной дезинтеграцией, которая выражается в противостоянии наиболее сильных в экономическом, политическом и военном смысле стран за место нового гегемона.

С. Амин тоже отмечает, что «в истории капитализма уже наблюдались длительные периоды стагнации, фазы усиленной финансиализации и даже глобализации» (Амин, 1996. Р. 217). Периоды деглобализации он рассматривал как время открытой борьбы периферии за освобождение от экономической зависимости, которая выражается в изъятии у них «империалистической ренты»

странами центра. По мнению Амина, единственным условием догоняющего развития для таких стран является «отделение» (delinking) от сложившихся отношений международного разделения труда. «Я использую термин «отделение», предложенный мной около полувека тому назад и, похоже, теперь замененный в современном дискурсе синонимом “деглобализация”», – пишет Амин. – «Страны, прошедшие стремительную индустриализацию во второй половине XX в., смогли укрепить свои позиции в мировой экономике и политике и теперь бросают вызов пяти привилегиям империализма, которые выражаются в контроле над технологиями, доступом к природным ресурсам планеты; глобальной интеграцией монетарной и финансовой систем; системами коммуникации и информации; оружием массового поражения» (Амин, 2013b. Р. 28).

Таким образом, нынешний период дезинтеграции можно рассматривать как проявление терминального кризиса американского СЦНК, который вошел в фазу финансовой экспансии после кризиса стагнации 1970-х. В ответ на падение нормы прибыли (Комолов, 2017) западный капитал осуществил масштабный перенос производств в регионы с низкой оплатой труда, преимущественно в Китай. Иностранные инвестиции обеспечили могущество китайской промышленности, и в недалеком будущем Китай сможет претендовать на мировое господство, отобрав эту роль у США. Такие предположения были у Дж. Арриги, который в своем фундаментальном труде «Адам Смит в Пекине» показал закат американского цикла накопления и выдвинул предположение о смещении центра мир-системы в Азию. С. Амин также выдвигал идею о том, что китайская модель могла бы

бросить вызов доминантам глобального капитализма. Для того чтобы выжить, Китаю необходимо создавать собственную модель глобализации и занять там соответствующее господствующее положение, либо развиваться по альтернативному пути совместно с другими странами периферии (Аmin, 2013а).

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы оценить перспективы Китая в борьбе за лидерство в мир-системе при переходе к новому ЦЦНК. Для этого необходимо проанализировать преимущества китайской модели развития последних десятилетий, а также выявить ее внутренние противоречия и обозначить возможные пути их преодоления.

Индустриальное развитие КНР

Предположения о возможном будущем мировом лидерстве Китая небезосновательны, так как КНР несколько десятилетий подряд показывает высокие темпы экономического роста. По размеру ВВП по паритету покупательной способности Китай вырвался на первое место в мире, опередив США в 2017 г¹. Соответственно, доля ВВП Китая в мировой экономике увеличилась с 3,8 % в 1990 до 17,2 % в 2019 гг. на фоне снижения доли США за тот же период с 20,3 % до 15,7 %, а Германии с 5,2 % до 3,4 %². В китайском обществе в связи с ростом промышленности происходят ускоренные процессы урбанизации. Если в 1990 г. в городах проживало лишь 20 % населения, то к 2018 г. этот показатель вырос до 59 % (Островский, 2019).

¹ GDP, PPP (current international \$) – China // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD?end=2019&locations=CN&start=1960&view=chart> (Дата обращения: 15.11.2020).

² GDP based on PPP, share of world // IMF data mapper. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/PPPSH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEO_WORLD (Дата обращения 12.11.2020).

С. 9). Как следствие, в стране высокими темпами падает уровень бедности: «... свыше 60 млн человек были «вырваны» из бедности, и доля «бедных», имеющих годовой доход ниже 2300 юаней на человека в год, сократилась с 10,2 до 4 % населения, и общее число бедных сократилось с 82,5 млн человек в 2013 г. до 30,4 млн в 2017 г.» (Островский, 2019. С. 10). Власти Китая не собираются останавливаться на достигнутых результатах и заявляют о строительстве общества «сяокан» (малого благоденствия), а к 2049 г. (100-летию образования КНР) планируют создать «...богатую демократическую цивилизацию и гармоничную прекрасную социалистическую мощную державу» (Островский, 2019. С. 12).

В наши дни Китай находится на 1-м месте в мире по производству угля, стали и прокатов, цемента, химических удобрений, электроэнергии, хлопчатобумажных тканей, лидирует в производстве фруктов, мяса, рыбы, зерновых, сырой нефти и т.д. (Островский, 2020. С. 22). В структуре товарного экспорта Китая большую долю занимает продукция обрабатывающей промышленности, в т.ч. машины и оборудование – 47,8 %. (см. рис. 1).

Промышленная экспансия КНР.

Черная металлургия

Таким образом, экономика КНР имеет достаточный потенциал, чтобы бросить вызов наиболее развитым странам мира для расширения своей сферы влияния в мировой экономике. Ярким примером внешней экспансии промышленности Китая является черная металлургия, продукция которой играет роль фундамента таких отраслей, как машиностроение, автомобилестроение, станкостроение, строительство и др. Китай является лидером в производстве стали: в 2019 г. выпуск составил 996 млн т. –

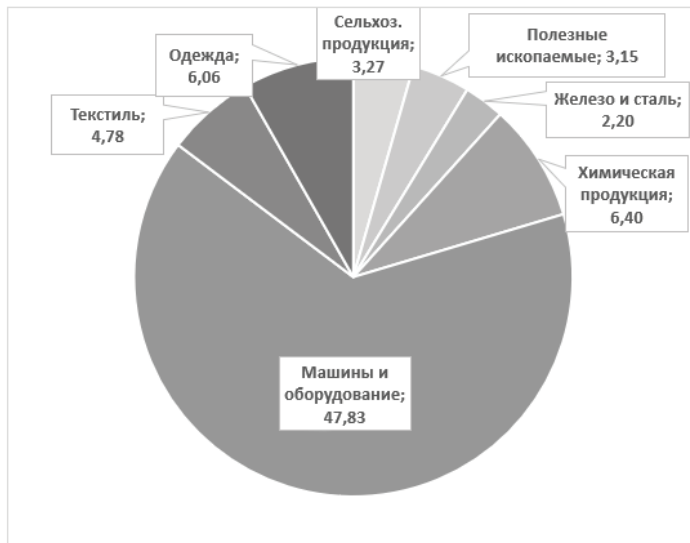

Рис. 1. Структура товарного экспорта Китая в 2019 (%).

Источник: составлено авторами на основании данных <https://data.wto.org/>

53 % мирового производства¹. Доля КНР в мировом экспорте железа и стали составляет 13,2 % (1 место в мире)².

Следует отметить, что черная металлургия является главным «полем» экономических войн в мире. Она занимает лидирующее место по количеству вводимых странами протекционистских мер (включая субсидии, в т.ч. экспортные, тарифные ограничения, квотирование, точечное лицензирование, госзакупки, антидемпинговые меры и т.д.). Так, в период с 2009 по 2020 гг. на рынке продукции из железа и стали государствами было принято 1649 ограничительных мер³. Наибольшую актив-

ность тут проявляют Соединенные Штаты (642 меры), второе место занимает Китай: им было принято 205 мер, направленных на защиту национального производителя⁴. В целом против черной металлургии КНР принято 1316 ограничительных мер (3 место после Южной Кореи и Японии)⁵, что составляет 18 % от всех действий, направленных другими странами против китайской экономики (всего 7308)⁶.

В сфере производства черной металлургии в мире разворачивается жесткая конкурентная борьба. Еще в 2013 г. владелец «Северстали» А. Мордашов утверждал, что избыток мощностей –

¹ Global crude steel output increases by 3.4 % in 2019 // World Steel Association AISBL, 2019. URL: <https://www.worldsteel.org/media-centre/press-releases/2020/Global-crude-steel-output-increases-by-3.4--in-2019.html> (Дата обращения: 20.11.2020).

² Merchandise exports by product group – annual (Million US dollar) // WTO. URL: data.wto.org (Дата обращения: 20.11.2020).

³ Sectors affected most often // Global trade alert. URL: https://www.globaltradealert.org/global-dynamics/area_all (Дата обращения: 25.11.2020).

⁴ Implementing Countries // Global trade alert. URL: https://www.globaltradealert.org/sector/412/period-from_20090101/period-to_20210116 (Дата обращения: 25.11.2020).

⁵ Affected Countries // Global trade alert. URL: https://www.globaltradealert.org/sector/412/period-from_20090101/period-to_20210116 (Дата обращения: 25.11.2020).

⁶ Country exposure to interventions // Global trade alert. URL: https://www.globaltradealert.org/global-dynamics/area_all (Дата обращения: 20.11.2020).

это проблема всей мировой металлургии, без разрешения которого отрасли грозит кризис, подобный началу 2000-х гг., когда обанкротилась четверть металлургических компаний США. Далее он предлагал договориться о сокращении предложения и внедрении механизмов, позволяющих сбалансировать спрос и предложение на этих рынках¹. Однако профицит в отрасли сохранялся, и страны ЕС, США, Турция и некоторые другие для сохранения прибыльности своих металлургических компаний начали инициировать антидемпинговые расследования и внедрять разного рода нетарифные ограничения против экспортеров металла из Китая, России, Южной Кореи и Бразилии. Так, антидемпинговые пошлины, инициированные Еврокомиссией, для стали из России в 2015 г. составили от 18,7 до 36 % и из Китая – 19 %². Ограничения также коснулись продукции из холоднокатаной и горячекатаной стали, труб, трансформаторной стали и т.д. В 2018 г. Еврокомиссией были введены квоты на импорт стали, при превышении которых поставки облагаются пошлиной в 25 %. Все эти ограничения будут только ужесточаться, как и в США. В Соединенных Штатах в 2018 г. пошлины составили 25 % на ввоз стали и 10 % на алюминий³. Показателен также пример Китая, отказавшегося от покупки коксуемого угля из Австралии, необходимого для производства стали, в начале 2021 г. Причиной стала жесткая антикитайская политика, начав-

шаяся с введением санкций против КНР с 2018 г., когда Австралия вслед за США официально запретила использование в стране информационных решений и оборудования Huawei и ZTE, затем в 2020 г. обвинила КНР в распространении коронавирусной инфекции и т.д. Политическая напряженность между странами заставила власти КНР пойти также по пути ограничений. Отказ покупки австралийского угля – это первый шаг, который может больно ударить по экономике Австралии, так как Китай потреблял четверть австралийского экспорта угля, более 76 млн т. (Кудияров, 2021. С. 22-26).

Несмотря на санкции и ограничения, производство стали стабильно растет в мире. С 1990 по 2019 гг. производство выросло более чем в 2 раза. Этот прирост был обеспечен в основном за счет Китая, в котором производство стали за это же время выросло более чем в 15 раз⁴ (см. рис. 2а и 2б).

В этот же период происходит значительное сокращение производства стали в ЕС. Исходя из этих диаграмм, можно сделать вывод, что Китай и Южная Корея замещают ЕС как производителя черных металлов. Деградация металлургии на Украине также связана с бурным ростом этих отраслей в Азии. Так, традиционные покупатели черного металла Украины, например, Турция переключается на потребление более дешевого металла из КНР, несмотря на гигантское транспортное плечо. Китай за 2000-е гг. превратился из импортера стали в экспортера. Однако с 2015 г. экспорт стал заметно снижаться (см. рис. 3).

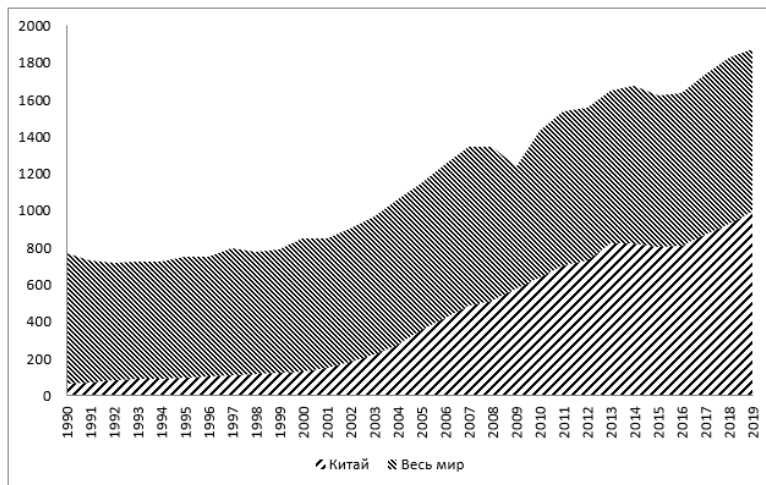
Данное падение связано с ростом оказываемого давления на Китай,

¹ Петлев В., Трифонова П. Пошлины не напугали металлургов. Почему протекционизм может сыграть на руку российским производителям металлов / Вестник. 24.05.2018. <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/05/24/770538-poshlini-metallurgov> (Дата обращения 20.11.2020).

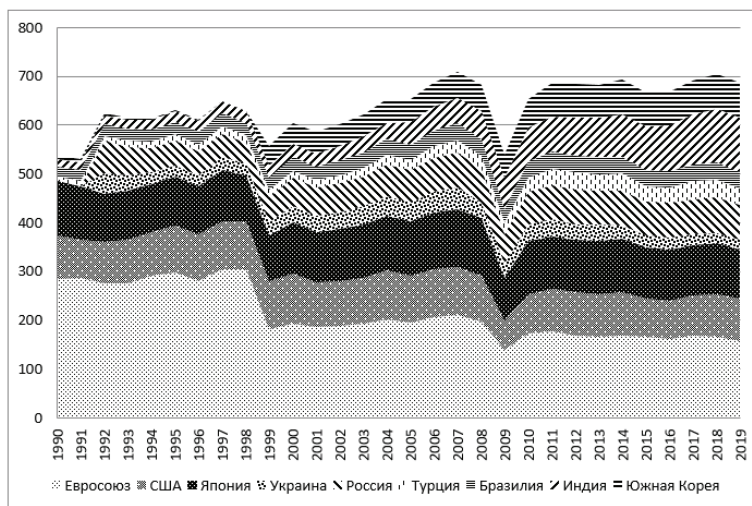
² Там же.

³ Едовина Т. ЕС не до стали. Европа закрывает свой рынок от избытка импорта, от которого отказались США / Коммерсант. № 19 от 04.02.2019. С. 2. <https://www.kommersant.ru/doc/387338> (Дата обращения 20.11.2020).

⁴ Global crude steel output increases by 3.4 % in 2019 // World Steel Association AISBL. URL: <https://www.worldsteel.org/media-centre/press-releases/2020/Global-crude-steel-output-increases-by-3.4--in-2019.html> (Дата обращения: 22.11.2020).

(a)

(б)

Рис. 2. Динамика объемов производства сырой стали в крупных странах и регионах-производителях, млн тонн.

Источник: составлено авторами на основании данных Steel Statistic Yearbook 1995. Committee on Economic Studies. International Iron and Steel Association – Brussels, 1996; Steel Statistic Yearbook 2000. Committee on Economic Studies. International Iron and Steel Association – Brussels, 2000; Steel Statistic Yearbook 2010. Worldsteel Committee on Economic Studies – Brussels, 2010; Steel Statistic Yearbook 2015. Worldsteel Committee on Economic Studies – Brussels, 2015; Steel Statistical Yearbook 2020 concise version. World Steel Association – Brussels (Дата обращения 20.11.2020). URL: https://www.worldsteel.org/en/dam/jcr:5001dac8-0083-46f3-aadd-35aa357acbccc/SSY%25202020_concise%2520version.pdf

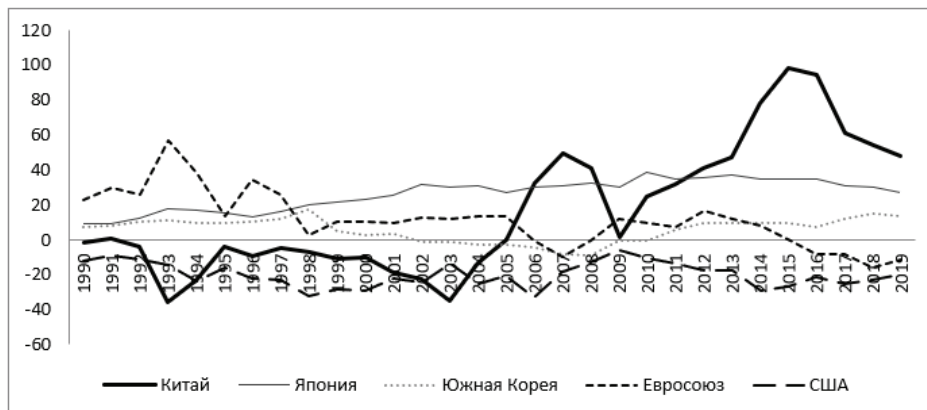

Рис. 3. Экспортно-импортный баланс стали (сальдо в млн т.) Китай, Япония, Южная Корея, ЕС, США.

Источник: составлено авторами на основании данных Steel Statistic Yearbook 1995. Committee on Economic Studies. International Iron and Steel Association – Brussels, 1996;

Steel Statistic Yearbook 2000. Committee on Economic Studies. International Iron and Steel Association – Brussels, 2000;

Steel Statistic Yearbook 2010. Worldsteel Committee on Economic Studies – Brussels, 2010;

Steel Statistic Yearbook 2015. Worldsteel Committee on Economic Studies – Brussels, 2015;

Steel Statistical Yearbook 2020 concise version. World Steel Association – Brussels (Дата обращения 20.11.2020). URL: https://www.worldsteel.org/en/dam/jcr:5001dac8-0083-46f3-aadd-35aa357acbcb/SSY%25202020_concise%2520version.pdf

в том числе усилением санкций на металлургические и обрабатывающие производства, введением антидемпинговых пошлин и других запретительных и протекционистских мер, а также общим замедлением роста мировой экономики. Данные обстоятельства заставляют страну наращивать внутреннее потребление стали и конкурировать в других отраслях. Производственное применение металлов предполагает наличие металлоемких секторов экономики, то есть освоение их на более высоких переделах, таких как машиностроение, судостроение, автомобилестроение, станкостроение и др. Именно в производстве этих групп инвестиционных товаров сегодня доминирует Китай, подрывая положение Европейских стран (см. рис. 4).

Из этих диаграмм следует, что потребление Китая растет такими же темпами, как и производство черных

металлов, тогда как в других регионах мира потребление стали либо стагнирует, либо сокращается, например, в ЕС и на Украине. Падение потребления стали в мире особенно заметно в удельных объемах, то есть при измерении его в кг на душу населения. При таком подходе стагнация заметна уже во всем мире, кроме Китая, Южной Кореи и Индии. Например, в США с 1990 по 2019 гг. снижение составило 25 %, в Японии – более 30 %, в ЕС – 56 %, а в Украине с 1992 по 2019 гг. – более 80 %¹. Такое снижение

¹ По данным Steel Statistic Yearbook 1995. Committee on Economic Studies. International Iron and Steel Association – Brussels, 1996. URL: <https://www.worldsteel.org/en/dam/jcr:9e6e990a-939c-4967-8db0-d86bfd84cad4/Steel+statistical+yearbook+1995.pdf> (Дата обращения 20.11.20); Steel Statistical Yearbook 2020 concise version. World Steel Association – Brussels. URL: https://www.worldsteel.org/en/dam/jcr:5001dac8-0083-46f3-aadd-35aa357acbcb/SSY%25202020_concise%2520version.pdf (Дата обращения 20.11.20).

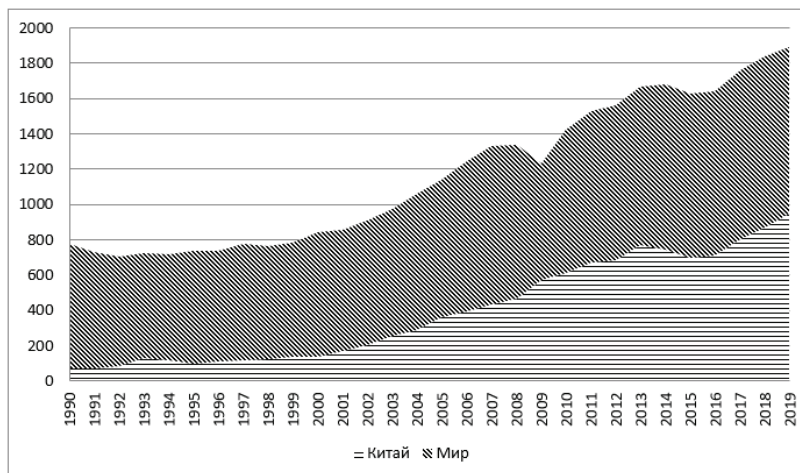

Рис. 4. Динамика объемов потребления сырой стали в крупных странах и регионах-производителях, тыс. тонн

Источник: составлено авторами на основании данных Steel Statistic Yearbook 1995. Committee on Economic Studies. International Iron and Steel Association – Brussels, 1996;

Steel Statistic Yearbook 2000. Committee on Economic Studies. International Iron and Steel Association – Brussels, 2000;

Steel Statistic Yearbook 2010. Worldsteel Committee on Economic Studies – Brussels, 2010;

Steel Statistic Yearbook 2015. Worldsteel Committee on Economic Studies – Brussels, 2015;

Steel Statistical Yearbook 2020 concise version. World Steel Association – Brussels (дата обращения 20.11.20) https://www.worldsteel.org/en/dam/jcr:5001dac8-0083-46f3-aadd-35aa357acbccc/SSY%25202020_concise%2520version.pdf

связано с тем, что конкурировать с азиатскими странами становится все сложнее. К примеру, удельное потребление металла в Китае возросло на 932 %, в Южной Корее – на 115 %. Следует отметить, что потребление металла в КНР составляет 610 кг на человека, что примерно на 11 % больше, чем в Японии (550 кг на человека), и на 85 % больше, чем в США, ЕС или России (в среднем потребление в этих регионах составляет 330 кг стали на человека). В Южной Корее удельное потребление самое высокое в мире – 1082 кг стали на человека¹.

¹ По данным Steel Statistic Yearbook 1995. Committee on Economic Studies. International Iron and Steel Association – Brussels, 1996. URL: <https://www.worldsteel.org/en/dam/jcr:9e6e990a-939c-4967-8db0-d86bfd84cad4/> →

Примером металлоемкой отрасли, выступающей крупнейшим потребителем стали, является судостроение. Практически во всем мире этот сектор экономики является стагнирующим, так как практически никто не может конкурировать с Китаем, Южной Кореей и Японией. В 2019 г. 86 % суммарной мировой валовой вместимости судов строились в этих трех странах. Если в середине XX века на Европу приходилось 38 % всех производимых

→ Steel+statistical+yearbook+1995.pdf (Дата обращения 20.11.20); Steel Statistical Yearbook 2020 concise version. World Steel Association – Brussels. URL: https://www.worldsteel.org/en/dam/jcr:5001dac8-0083-46f3-aadd-35aa357acbccc/SSY%25202020_concise%2520version.pdf (Дата обращения 20.11.20).

судов, то в 2019 г. этот показатель составил 4,5 %¹.

Следует отметить, что мировое судостроение также подтверждает модель «гусиного клина» Т. Озавы. Она показывает, как страна лидер («ведущий гусь»), избавляется от трудоинтенсивных и малоприбыльных производств, как правило, относящихся к предыдущим технологическим укладам. Подбирает эти производства страна (следующий, «ведомый гусь»), стоящая в очереди на модернизацию (Ozawa, 1993). Так, в странах старого индустриального центра (Германия, Дания, Голландия) расположены производства небольших, но высокотехнологичных судов. В Японии и Южной Корее серийно производятся технически сложные суда. В этом смысле выделяется Южная Корея, производящая более 50 % танкеров для перевозки нефти и сжиженного газа. Судостроение Китая развивается также бурно, но ориентировано, прежде всего, на перевозку насыпных грузов (железной руды, угля). Производство таких судов отстает от технологического уровня Южной Кореи. Однако современный Китай занимает более 40 % мирового производства балкеров, рудовозов и подобных судов, то есть менее технологичных, в том числе обслуживающих производства предыдущих технологических укладов². Для закрепления на этой нише, пусть даже менее рентабельной, чем та, которую занима-

ет Южная Корея, необходимо опираться на собственную инфраструктуру. Ввиду этого Китай инвестирует в постройку мощных грузовых портов-хабов по всему миру, а также реализует такие уникальные проекты, как постройка нового Никарагуанского канала. По нему смогут легко проходить китайские суда класса Постпанамакс, связывая Китай и богатые разными ископаемыми страны Латинской Америки.

Таким образом, в «стальных войнах» Китай успешно отстаивает свои интересы, несмотря на оказываемое на него давление. Внешние ограничения компенсируются ростом внутреннего потребления стали, что позволяет Китаю не только сохранять лидирующие позиции в черной металлургии, но создает условия для дальнейшей экспансии в металлоемких отраслях промышленности.

Инвестиционная экспансия Китая

Борьба за лидерство в капиталистической мир-системе заставляет капитал КНР бороться за превращение ряда менее развитых стран в собственную периферию. В соответствии с упомянутой моделью «гусиного клина» Т. Озавы, Китай, таким образом, переносит отдельные производства в страны с более дешевой рабочей силой. Потенциал новой периферии весьма велик: на роль нового поставщика дешевой рабочей силы, часто сопровождаемого выгодным географическим положением и высокой степенью открытости для иностранных инвестиций, претендуют 16 стран Латинской Америки, Африки, Азии, совокупной численностью населения – около 1 млрд человек³.

¹ Shipbuilding Statistics / The Shipbuilder's Association of Japan, 2020. URL: https://www.sajn.or.jp/files/view/articles_doc/src/fcd3f818ebf3318cfd89e293f5bbac1b.pdf P. 3 (Дата обращения: 20.11.2020).

² Peer Review of the Korean Shipbuilding and Related Government Policies / OECD, Council Working Party on Shipbuilding, 2015. URL: [http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=c/wp6\(2014\)10/final&doclanguage=en](http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=c/wp6(2014)10/final&doclanguage=en) P. 37. (Дата обращения: 20.11.2020).

³ The Post-China 16: Ascendant Manufacturing Countries // Stratfor, 2013. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/post-china-16-ascendant-manufacturing-countries> (Дата обращения: 20.11.2020).

Из последних речей председателя КНР Си Цзиньпина¹ можно сделать вывод, что Китай желает и дальше пойти по пути глобализации, поэтому готов развивать и расширять свой экспортный потенциал. КНР усиливает не только морские и трансокеанские торговые пути, но также расширяет сухопутные коридоры, диверсифицируя все экспортные каналы сбыта. Гигантские инвестиции в инфраструктуру говорят о том, что китайские власти пытаются поддерживать свой бизнес по всему миру, то есть создавать для них наиболее благоприятные условия ведения дел. В терминологии Д. Харви китайцы создают свою «пространственно-временную фиксацию» для глобального накопления капитала (Harvey, 2003. P. 99). Этот термин означает инфраструктуру, позволяющую доминировать в торговле, прямых инвестициях, эффективно эксплуатировать дешевую рабочую силу в других странах, то есть создавать выгодные и комфортные условия для своего крупного капитала. Данные тенденции косвенно подтверждаются такими громкими проектами, как «Один пояс и один путь», направленный на подчинение европейского рынка. Он объединил проекты «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века». Такую же цель ставит перед собой программа «Помощь в обмен на ресурсы», действующая в отношениях со многими странами Африки, где китайцы вкладываются в инфраструктуру для облегчения импорта ресурсов из этого региона. Подобные инфраструктурные проекты, как правило, закрепляют за китайским капиталом приви-

легированное положение, в том числе, за счет закрепления определенных требований по стандартам, нормативам, техническим требованиям, способам финансирования и т.д. То есть принимающие экономики вынуждены следовать данным стандартам. Например, при строительстве инфраструктурных проектов, типа морского порта, оговариваются основные поставщики оборудования, строительных материалов, а также какие суда будут обслуживаться и в каком приоритете, и т.д. Страны реципиенты уже не смогут быстро переключиться на других поставщиков оборудования, так как возрастут издержки по их интеграции, переучиванию рабочих, внедрению новых стандартов и т.д.

Примером экспансии Китая могут выступать их отношения с африканским континентом. Еще в 2009 г. КНР стал крупнейшим торговым партнером Африки, обогнав США. К 2018 г. объемы торговли превысили 204 млрд долл². Китайские прямые иностранные инвестиции в страны Африки показывают также тенденцию к росту (см. рис. 5).

Больше всего из Африки китайскими компаниями вывозятся нефть – около 50 % всего импорта (основные поставщики: Ангола, Судан, Алжир). Также импортируется железная руда, золото, платина из ЮАР, кобальт и медь из Демократической Республики Конго и Замбии, 46 % Габонского леса, 60 % леса Экваториальной Гвинеи (Захаров, Русак, 2018. С. 71).

Власти Китая активно помогают Африке в строительстве инфраструктуры, но, прежде всего, для облегчения вывоза оттуда природных богатств. Поэтому на Западе стали расценивать

¹ Калюков Е. Си Цзиньпин призвал «не запереться в темной комнате протекционизма» // РБК. 17.10.2017. URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/01/2017/587e04829a79476f6224e9dd> (Дата обращения: 20.11.2020).

² Товарооборот Китая с Африкой поставил новый рекорд / ИА REGNUM 07.07.2019. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2661235.html> (Дата обращения 20.11.2020).

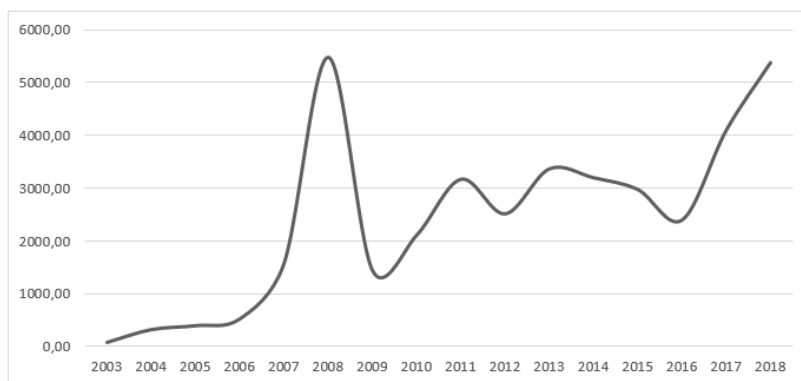

Рис. 5. Китайские FDI FLOW в Африканские страны, млн долларов США.

Источник: составлено авторами на основании данных Chinese Investment In Africa. Johns Hopkins University SAIS China-Africa Research Initiative. URL: <http://www.sais-cari.org/chinese-investment-in-africa#:~:text=Chinese%20FDI%20annual%20flows%20to,US%245.4%20billion%20in%202018>

политику Китая по отношению к Африке как эксплуататорскую и неоколониальную. В Африке китайский бизнес часто обвиняют в несоблюдении экологических и санитарных норм, прав трудящихся, организации коррупционных схем и т.д. В этом смысле политику Китая часто называют «новой формой империализма»¹, так как она направлена на вывоз сырьевых товаров, тогда как опыт и технологии не передаются. Однако это гибкая политика, и нельзя не отметить реальной помощи африканским странам, которую оказывает Китай в строительстве школ, малярийных центров, медицинских, сельскохозяйственных проектов и т.д.²

Ограниченность китайской модели экономического роста

Несмотря на описанные выше достижения экономики КНР, модель ее

¹ Ирисова О. Гуманный империализм: как Китай завоевывает Африку / Forbes 27.03.2015. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya-column/mir/283713-gumannyi-imperializm-kak-kitai-zavoevuyet-afriku> (Дата обращения 20.11.2020).

² Там же.

развития не лишена значительных противоречий. Вместе с началом мирового экономического кризиса прирост ВВП Китая показывает отрицательную динамику, снизившись с 14,2 % до 6,1 % к 2019 г.³ Такая связь не случайна, так как последние годы мировой рынок находится в стагнации, а экономика Китая в значительной степени зависит от экспорта. Однако темпы роста не позволяют качественно рассмотреть экономику страны. Для этого обратимся к обзору динамики ВВП Китая по элементам за период с 1978 по 2018 г. Она показывает преобладающую роль инвестиций в экономике, доля которых постоянно растет и в 2019 г. достигла 44 % (см. рис. 6).

Инвестиции, направленные в основном на расширение производства, говорят об очень высоких темпах накопления, что при недостаточном внутреннем спросе и сокращающемся экспорте товаров, будет означать перепроизводство

³ Рассчитано по данным Всемирного Банка. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?end=2019&locations=CN&start=1960&view=chart> (Дата обращения 20.11.2020).

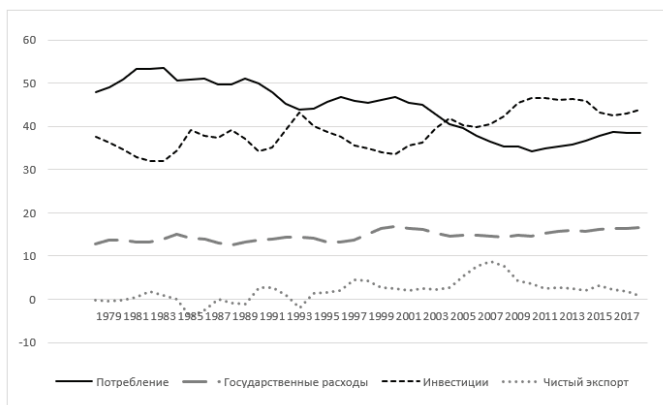

Рис. 6. Динамика ВВП Китая по элементам в % (1978-2018 гг.).

Источник: составлено авторами на основании данных OECD <https://stats.oecd.org/#>

и относительное перенакопление в реальном секторе. Потребление в структуре ВВП показывает тенденцию к снижению и в 2019 г. составило лишь 38,5 %, что свидетельствует о консервации модели дешевого труда в КНР. Для сравнения, в США этот показатель составляет 68 %, в ЕС – 53 %¹. Кривая, отражающая государственные расходы, показывает более или менее стабильный уровень около 15 %. То есть государство не стало брать на себя роль основного двигателя экономики. Наконец, чистый экспорт (разница между всем экспортом и импортом) – важная составляющая доля ВВП, определяющая приток валюты в страну и являющаяся главным драйвером экономики Китая, стабильно росла до кризиса 2007-08 гг., а затем начала снижаться вместе с замедлением мировой экономики. Причем, заметный рост доли инвестиций в ВВП с 2009 г. не смог способствовать росту доли чистого экспорта, напротив, она начала снижаться. Власти Китая со времен экономического кризиса 2008 г. всячески пытаются стимулировать экспорт. Для этого поддер-

живают дальнейший рост инвестиций, проводят политику стимулирования, то есть снижение ставки процента, расширения кредита и т.д. С этого времени начинается расширение и обновление инфраструктурных проектов, например, строительство сети высокоскоростных железных дорог, крупных аэропортов и других элементов. Поддерживать темпы экономического роста за счет кредитов и стимулирования инвестиций при недостаточном мировом спросе невозможно продолжительное время. Это уже приводит к сокращению отдачи от капитала в ряде отраслей (Fan, 2015) и может привести к образованию рыночных «пузырей». В 2019 г. объем загрузки производственных мощностей в КНР составлял 76,5 %², в то время как в 2007 г. этот показатель был равен 87,8 %³.

² China Industrial Capacity Utilization 2013-2020 Data // Trading Data. URL: <https://tradingeconomics.com/china/capacity-utilization#:~:text=Capacity%20Utilization%20in%20China%20averaged,the%20first%20quarter%20of%202020> (Дата обращения: 12.12.2020).

³ Business Tendency Surveys for Manufacturing: Capacity Utilization: Rate of Capacity Utilization: European Commission and National Indicators for China // FRED. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/BSCURT02CNQ160S> (Дата обращения: 13.12.2020).

¹ Рассчитано по данным OECD. URL: <https://stats.oecd.org/#> (Дата обращения 23.11.2020).

Правительство КНР периодически анонсирует планы обеспечить рост внутреннего потребления для компенсации выпадающих доходов от экспорта¹. Однако, значительных результатов в этом направлении достичь пока не удалось. Существуют ограничения институционального характера, не позволяющие так просто трансформировать экономику, освободив ее от влияния мировых рынков и перенаправив производства на внутренний рынок. Рост потребления предполагает повышение заработных плат. Если предположить такой сценарий, то это будет означать рост издержек производства и стремительное падение экспорта – то, что в экономической теории называется «модернизационной ловушкой».

Данные проблемы широко обсуждаются и в академических кругах. Следует отметить движение китайских «новых левых», одним из ярких представителей которого является Минки Ли. Их критика касается несбалансированной экономики КНР, ее излишней ориентации на экспорт и накоплении капитала. А также нарушения прав трудящихся, особенно так называемого «плавающего населения». Это люди, привлекаемые из деревень для временной работы на фабриках. Численность такого населения составляет около 250 млн человек, которые могут в любой момент быть быстро сокращены и выброшены на улицу. Выход из сложившейся ситуации может быть только за счет сокращения накопления до доли приблизительно в 30 % ВВП и рост доли потребления примерно до 40 % или выше. Это означает массовое перераспределение доходов

от капитала к труду, а также повышение социальных расходов государства, сумма которых должна составлять не менее 20 % ВВП (Li, 2008. P. 87).

Экономика Китая и шестой технологический уклад

Преодоление «модернизационной ловушки», а также борьба за место гегемона капиталистической мир-системы для Китая могут стать возможными в случае достижения лидерства в шестом технологическом укладе. Необходимо отметить, что теория технологических укладов (ТУ) (Глазьев, Львов, 1986) выделяет шесть этапов технико-экономической эволюции капитализма. Каждый из укладов представляет собой производственное ядро экономики, вбирающее в себя единый тип технологий. Набор конкретных технических изобретений формирует целостную основу производства ряда основных отраслей – локомотивов экономики на определенных исторических этапах. Критерием наступления очередного уклада выступает его влияние на систему воспроизводства: вклад новых отраслей в экономический рост, повышение производительности на основе нового типа технологий, большее энергосбережение. Периодизация укладов исходит из структуры производства в наиболее развитых странах, задающих направление движения мировой экономики в целом (Маслов, 2019). Страна, сумевшая занять доминирующее положение на стадии широкого распространения ТУ, получает максимальную отдачу от авансированного капитала, что закрепляет за ней место гегемона мир-системы. Голландия на рубеже XVII-XVIII вв. одновременно с развитым флотом обладала наиболее сильной в Европе текстильной промышленностью, что составляло основу ТУ 1.

¹ Leng S. China's big plan to boost domestic consumption in midst of US trade war // South China Morning Post, 27.08.2019. URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3024587/chinas-big-plan-boost-domestic-consumption-midst-us-trade-war> (Дата обращения: 20.11.2020).

Лидером второго и третьего ТУ, ядром которых был паровой и электродвигатель, являлась Великобритания. Соединенные Штаты господствовали в области автомобилестроения и нефтехимии на 4 ТУ. Успешное освоение технологий этого поколения (космические технологии, мирный атом, самолетостроение) позволял СССР на равных соперничать с лидерами капиталистического мира. США сохранили свое лидерство в границах 5 ТУ, основанного на развитии электроники. Появление более совершенных средств коммуникации позволило США обрести дополнительные источники роста за счет создания глобальных цепочек добавленной стоимости, а также гипертрофированного развития финансового сектора. События 2007-2009 гг. стали выражением терминального кризиса американского ЦЦНК. Страна, претендующая на место нового гегемона мир-системы, должна играть роль технологического лидера, раньше и шире остальных внедрившего технологии ТУ 6. Предполагается, что они будут основаны на развитии НБИКС-конвергенции – то есть на взаимосвязанном развитии нано-, био-, инфо-, когно-, а также социогуманитарных технологий (Spohrer, 2004. P. 102).

Власти Китая в стратегических планах подчеркивают важность ускоренного движения страны по пути научно-технического прогресса. В ноябре 1986 г. Государственный совет КНР принял «Государственный план по развитию исследований высоких технологий», именуемый «Программой 863». В основе этого плана была заложена идея догоняющего развития. Существовало убеждение, что при планировании научно-технического развития невозможно ставить Китай вровень с лидерами капиталистического мира. В 2006 г. в КНР была разработана новая комплекс-

ная «Государственная среднесрочная и долгосрочная программы развития науки и технологий (2006-2020)». Программа ставила задачи повысить долю расходов на НИОКР с 1,34 % ВВП в 2005 г. до 2,5 % ВВП в 2020 г., создание научно-технических центров мирового уровня; снижение импорта технологий до 30 %.

Экономика КНР действительно сумела совершить серьезный прорыв в области научно-технического прогресса. Однако успехи, достигнутые к 2021-му году, нельзя назвать достаточными для того, чтобы считать Китай основным претендентом на лидерство в шестом технологическом укладе. Во-первых, стоит отметить, что высокие темпы роста экономики КНР – во многом результат эффекта низкой базы. При этом производительность труда в КНР остается низкой (см. рис. 7).

Несмотря на то, что с 1970 по 2017 гг. производительность труда в КНР выросла в 6,5 раз (с 1,7 до 10,8 долл. в час), отставание от стран центра остается значительным. Так, производительность труда в Германии более, чем в 6 раз выше. По данному показателю Китай уступает даже России. Одна из основных причин низкой производительности – высокая трудоемкость производства. В частности, оно выражается в количестве часов трудовой деятельности, приходящейся на одного человека в год. В 2017 г. в Китае продолжительность рабочего времени составила 2174 часа. Для сравнения, в Мексике – 2255 ч., в России – 1974 ч., в США – 1757 ч., во Франции – 1514 ч., в Германии – 1354 ч.

Преимущество дешевой рабочей силы, которое позволило КНР привлечь значительные иностранные инвестиции, создают проблемы в попытке заместить ручной труд машинным. Так, по показателю роботизации экономики, Китай значительно отстает от мировых

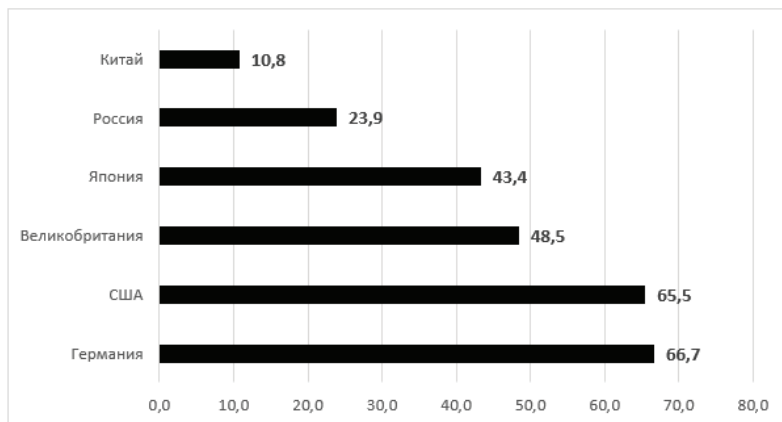

Рис. 7. Производительность труда (долл. по ППС в час, 2017 г.).

Источник: составлено авторами на основании данных Productivity per hour worked, 2017 // Our world in data, URL: <https://ourworldindata.org/grapher/labor-productivity-per-hour-pennworldtable?tab=chart&time=2017..latest&country=CHN~FRA~DEU~IND~JPN~RUS~GBR~USA~MEX&region=World>

лидеров, несмотря на то, что в этом направлении были сделаны значительные подвижки. В 2019 г. на 10 000 работников в промышленности КНР приходилось 187 роботов. Для сравнения, в Южной Корее – 855 робота, Сингапуре – 918, Германии – 346, Японии – 364, Швеции – 277¹.

Движение по пути догоняющего развития обрекают страну на роль «инновационной губки», способной лишь впитывать и усваивать существующие знания и технологии. Для того, чтобы выйти за границы этой модели, необходимо обеспечить условия опережающего развития, которые выражаются, в первую очередь, в достаточном финансировании НИОКР. В экономике Китая наблюдается значительный рост расходов на науку и исследования: с 0,5 % ВВП в 1996 г. до 2,2 % ВВП в 2018 г.

Однако темпы роста таких расходов в КНР снижаются. Если в 2007 г. прирост

инвестиций в НИОКР составил 15 %, то в последующие годы вместе с замедлением экономического роста прирост инвестиций также стал сокращаться (см. рис. 8).

При этом даже высокие темпы роста расходов на научно-исследовательскую работу 1990-х и 2000-х не позволили Китаю превзойти уровень лидеров западного мира. В 2018 г. КНР тратил 2,2 % ВВП на НИОКР, США – 2,8 %, Германия – 3,1 %, Япония – 3,3 %. Среднемировой показатель в 2018 г. равнялся 2,3 % ВВП.

КНР является одним из крупнейших производителей высокотехнологичной продукции в мире. С 2005 по 2018 гг. сальдо торговли высокотехнологичной продукцией является положительным и исчисляется десятками миллиардов долларов. При этом у стран центра мировой экономики – США, ЕС, Японии – этот показатель находится в зоне отрицательных значений (см. рис. 9).

Однако данная статистика не учитывает роль Китая в глобальных цепочках добавленной стоимости, где за КНР сохраняется роль конечного звена, осу-

¹ Müller C. IFR Press Conference 24th September 2020 Frankfurt // International Federation of Robotics, 2020. URL: <https://ifr.org/news/robot> (Дата обращения: 15.12.2020).

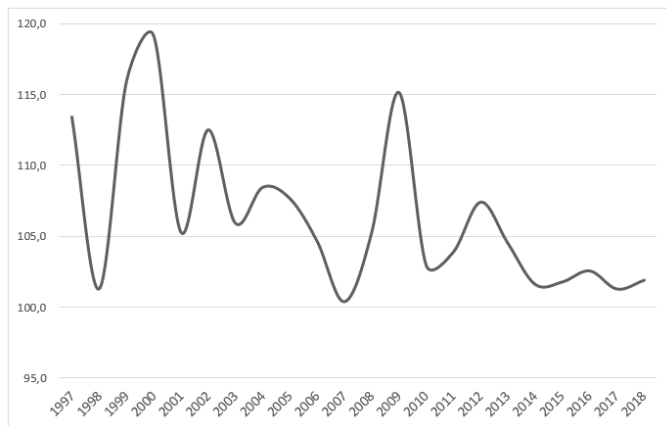

Рис. 8. Темп роста инвестиций в НИОКР в экономике КНР (%).

Источник: Research and development expenditure (% of GDP) // World bank, Database URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=GB.XPD.RSDV.GD.ZS&country=>

ществляющего сборку изделий из комплектующих, произведенных в странах, стоящих на более высоких ступенях мир-системы, а также на основе созданных там же технологий. Так, на примере производства смартфона компании Apple видно, как на китайскую промышленность приходится лишь около 1 % добав-

ленной стоимости. В то же время владельцу бренда в США достается около 45 %, остальное приходится на производителей комплектующих и посредников (Brennan, 2015. P. 8). Однако таможенная статистика засчитывает экспорт готового изделия, которое затем направляется в страны центра, Китаю.

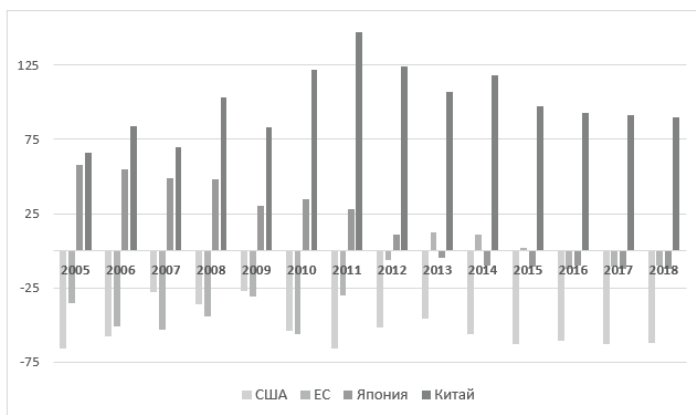

Рис. 9. Сальдо торговли высокотехнологичной* продукцией (млрд долл.).

*Включает торговлю такими товарами как: самолеты, космические корабли; телекоммуникационное оборудование, компьютеры, фармацевтические препараты, контрольно-измерительные приборы.

Источник: Merchandise imports by product group - annual (Million US dollar) // WTO data, URL: <https://data.wto.org/>

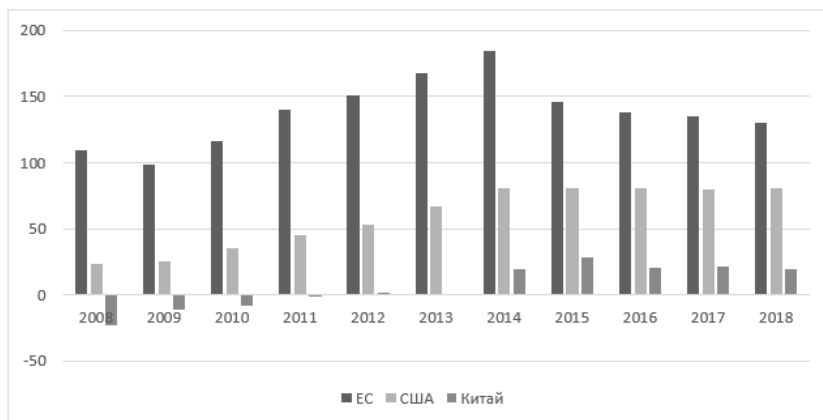

Рис .10. Сальдо торговли высокотехнологичными* услугами (млрд долл.).

*Высокотехнологичные услуги включают в себя связь, бизнес-услуги, финансовые услуги, телекоммуникации, информационные услуги.

Источник: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/statis_e.htm, по состоянию на 15 сентября 2017 г.

При этом в торговле высокотехнологичными услугами, где данный эффект проявляет себя в значительно меньшей степени, страны ЕС и США имеют значительно более высокое торговое сальдо, чем Китай, который до начала 2010-х и вовсе имел отрицательный баланс торговли такими услугами (см. рис. 10).

Сохранение за Китаем роли «сборочного цеха» для мировой промышленности определяется тем, что рабочая сила в этой стране, несмотря на некоторый рост уровня жизни и сокращения бедности, остается значительно более

дешевой, чем в странах центра мир-системы. Несмотря на то, что цена рабочей силы в Китае выросла по сравнению с другими странами периферии и полупериферии, она остается намного ниже уровня стран центра.

По соотношению цены рабочей силы и производительности труда, промышленность КНР остается более привлекательной, в сравнении как со странами центра, так и со многими представителями периферии (см. табл. 1).

Роботизация экономики в таких условиях становится менее выгодной, чем

Таблица 1.

Отношение индексов цен рабочей силы и производительности труда в промышленности в странах центра и периферии относительно Китая

	Индия	Вьетнам	Китай	США	Германия	Южная Корея
Цена рабочей силы*	0,6	0,6	1,0	8,6	10,4	5
Производительность труда**	0,4	0,4	1,0	6,4	4,1	4,8

* 2019 г. / ** 2014 г.

Источник: (Woetzel et al., 2015. P. 63).

в странах центра. Замещение ручного труда машинным становится необходимым при высоких издержках на наем работников. Данное обстоятельство создает значительный стимулы для инвесторов создавать на территории КНР трудоемкие производства с низкой добавленной стоимостью, что будет препятствовать дальнейшему внедрению промышленных роботов в КНР.

Итак, как было показано, экономика Китая, несмотря на успехи в области развития обрабатывающей промышленности и импорта технологий, все еще значительно отстает от стран центра мировой экономики. В ряде высокотехнологичных отраслей китайские компании играют заметную роль в мировой экономике. Например, в производстве железнодорожного оборудования и солнечных панелей доля доходов китайских компаний более, чем в три раза превышает долю КНР в мировом ВВП. В бытовой технике и воспроизведенных фармацевтических препаратах (дженериках) – более чем в 2,5 раза. Выше доли в мировом ВВП достигает выручка КНР на рынке программного обеспечения для интернета, в производстве стали, текстильной продукции, строительных материалов, электрооборудования и др. Однако в таких значимых для развития 6 ТУ областях, как биотехнологии, разработка полупроводников, производство химических веществ тонкого органического синтеза, создание патентованных медикаментов, разработка системного и прикладного программного обеспечения, производство судов гражданской авиации и медицинского оборудования, доля КНР в мировой экономике остается крайне низкой (Woetzel et al, 2015. P. 5). Все это не позволяет разделить оптимизма ряда исследователей относительно скорого технологического лидерства Китая в мире.

Пути развития КНР

Выбор экономического пути и направления очередного этапа реформ остро стоит перед властями КНР. От решения этих вопросов зависит будущее КНР и, возможно, мир-системы, поэтому дискуссии по этим вопросам вышли в политическую плоскость и вызвали раскол в китайской элите. Российский специалист по Китаю Н. Вавилов показывает, что борьба кланов во власти Китая начала усиливаться настолько, что события последних лет в китайской прессе стали называть Китайской революцией 2.0. Если до 2012 г. число исключенных из партии и последующих после этого заведенных уголовных дел составляло 10-20 тыс., то в последние годы число таких дел увеличилось примерно до 200 тыс. в год (Вавилов, 2019. С. 36).

Действующие власти Китая не собираются сворачивать рыночные реформы. Напротив, они ориентируются на программу продолжения и углубления реформ, заложенных Дэн Сяопином, которая сегодня происходит под лозунгом «определяющей роли рынка». В экономике КНР продолжается сокращение государственного участия: если в 2000 г. доля активов в собственности госкомпаний в промышленности составляла 66 %¹, то в 2018 – лишь 38 %². При этом, доля расходов правительства в ВВП, несмотря на значительный рост с 16,2 % в 2000 г. до 33,6 % в 2019 г., приблизилась к уровню США (35,1 %) и все еще значительно отстает от европейских стран, таких как Франция (56 %) и Германия (44,5 %)³.

¹ China Statistical Yearbook 2001 // National Bureau of Statistics. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/statisticaldata/yearlydata/YB2001e/ml/indexE.htm> (Дата обращения: 21.11.2020).

² China Statistical Yearbook 2018 // National Bureau of Statistics. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2019/indexeh.htm> (Дата обращения: 21.11.2020).

³ World Economic Outlook Database, World economic outlook, China. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2020/October/weo-report> (Дата обращения: 15.11.2020).

На этом фоне все чаще звучат призывы провести в КНР массовую приватизацию. Если таким планам суждено сбыться, это приведет к легальному перераспределению собственности госкорпораций между кланами региональных элит (Вавилов, 2019. С. 11). Тенденции федерализации и даже феодализации отчетливо проявляются в современном Китае. Этому способствует усиление и без того значительного расслоения между богатыми и бедными (коэффициент Джини приближается к значению 50¹), а также значительная неравномерность благосостояния в разных провинциях, которая может отличаться в разы. Например, ВВП на душу населения Шанхая в пять раз превышает этот показатель в Ганьсу². Богатые восточные провинции выступают против дотационной поддержки бедных западных регионов, настолько, что готовы выступить за децентрализацию и федерализацию страны. Также растут противоречия с Гонконгом, одним из важных звеньев, связывающих экономику КНР, мировую торговлю и финансы.

Обостряется полемика в выборе дальнейшей идеологии развития КНР. Разные кланы в государстве и крупном бизнесе являются сторонниками противоречащих друг другу экономических программ. Близкие Си Цзиньпину структуры из силового блока и армии, в основном выходцы из северо-западной провинции Шеньси, образуют «шеньсийскую группу», придерживающуюся взглядов, похожих на конституционную монархию с опорой на китайский национализм. Они являются проводниками новой идеологии, опирающейся на

«традиционные китайские ценности», присущие дореволюционному Китаю. Главной экономической инициативой этой группы является строительство пояса Шелкового пути с центром в столице Шэньси провинции Сиань, который позволит выйти на рынки ЕС через Среднюю Азию, Турцию, Иран, а также Россию. Данный путь особенно необходим в случае обострения ситуации в Южно-Китайском море с Вьетнамом и Филиппинами, за которыми стоят США и Япония. Таким образом, данная группа стремится диверсифицировать торговые пути Китая и продолжить экспансию на внешние рынки, отстаивая идеи глобализации и особую роль Китая в ней. Для реализации данной политики создается соответствующая инфраструктура, в частности форум Боао (провинция Хайнань) – аналог экономического форума Давос, Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии – аналог ОБСЕ, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций – аналог МВФ (Вавилов, 2019. С. 15).

Следует выделить еще одну конкурентную силу во власти – «комсомольскую группу» во главе с бывшим генсеком Ху Цзиньтао и нынешним премьер-министром Ли Кэцяном, придерживающихся политики экономической либерализации и финансовой глобализации. Действующему премьеру Ли Кэцяну вместе с еще одной группой, «шанхайскими» финансистами принадлежит авторство проводимой политики «кредитной накачки» экономики и либерализации в области финансовых рынков, что привело к образованию пузыря на Шанхайской фондовой бирже в 2015 г. Власти Китая позже прекратили практику кредитной накачки, чтобы справиться с возникшими спекулятивными пузырями. Хотя процессы финансового кризиса, происходящие в странах центра и суля-

¹ От желтых морей до пустынного края. Как Компартия Китая удерживает вместе 33 региона / Коммерсант. <https://www.kommersant.ru/doc/3629907> (Дата обращения 20.11.2020).

² Там же.

щих гигантские прибыли, до сих пор импонируют группам, придерживающихся либеральных подходов.

Таким образом, если «шеньсийская группа» во главе с Си Цзиньпином и другими представителями потомственных элит придерживается изоляционистских взглядов и опирается на национальные силы для дальнейшей экспансии Китая, то группа «комсомольцев» и «шанхайские» финансисты обращаются к США в надежде на поддержку курса дальнейшей неолиберальной глобализации, углубления рыночных отношений в Китае и масштабной приватизации, считая такой путь спасительным.

Однако такой путь опасен для Китая. Как отмечал С. Амин, США требуют подчинения, и если добьются своего, то вынудят Китай предоставить доступ для иностранных банков, которые смогут конкурировать с китайскими государственными и частными банками. Далее последуют требования по снятию фиксированной ставки обмена юаня, созданию гибкой, колеблющейся ставки (Амин, 2019. С. 30). Сейчас КНР сохраняет независимость в проведении денежно-кредитной политики. ЦБ Китая контролируется государством и имеет широкие права в проведении независимой монетарной политики, как и ФРС США. КНР может лишиться финансовой независимости и будет вынужден интегрироваться в глобальную финансовую систему рынка. «Китай, переходящий к системе гибких «рыночных» ставок, покажет точно такие же результаты, как и в других странах Юга: уничтожение миллионов конкурентоспособных китайских производителей; и это приведет к концу мечты о благосостоянии китайского народа. Это как раз и является целью западного монополистического финансового капитала» (Амин, 2019. С. 31). Амин считает, дальнейшее

возвышение Китая, в рамках существующей, неолиберальной модели глобализации, невозможно.

***

Итак, успех Китая в борьбе за место гегемона мир-системы возможен лишь в случае обретения им лидирующих позиций в шестом технологическом укладе. Несмотря на значительные экономические успехи, Китай остается частью мировой периферии, с закрепленной за ним ролью источника дешевой рабочей силы. Данное обстоятельство, во-первых, препятствует ускоренному движению страны по пути научно-технического прогресса, а во-вторых, формирует противоречия, подрывающие традиционные для КНР источники роста. В условиях деглобализации мировой экономики, ограниченного доступа на внешние рынки источником выхода из модернизационной ловушки должно стать расширение потребительского спроса и создание достаточной глубины внутреннего рынка для продукции национального производства. Для достижения таких целей от государства требуется значительное расширение социальной политики, борьба с социальным неравенством, обеспечение роста зарплат, что невозможно без усиления вмешательства правительства в экономику страны в роли как регулятора, так и собственника производственных мощностей. В этой связи Китаю необходимо отказаться от идеи полной интеграции в капиталистическую мир-систему и борьбы за место ее гегемона, так как новый системный цикл накопления капитала, под эгидой любого государства, вряд ли разрешит основные противоречия капитализма, а лишь окончательно подорвет экологическую систему планеты и еще больше обострит военные конфликты. Вместо этого необходимо осу-

ществить «отделение», развиваясь по альтернативному пути совместно с другими странами периферии. Многие из этих тезисов находят отражение в программе китайских «новых левых», однако противоречат интересам крупного капитала КНР. Таким образом, экономи-

ческое будущее Китая в значительной степени зависит от результатов политической борьбы и организованности многочисленного китайского рабочего класса, способного оказать решающее влияние на определение вектора социально-экономического развития КНР.

ЛИТЕРАТУРА

Амин С. (2019). Финансовая глобализация: войдет ли в нее Китай? // Вопросы политической экономики. № 1. С. 23-33.

Арриги Дж. (2006). Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: ИД «Территория будущего». – 470 с.

Вавилов Н. (2019). Некоронованные короли красного Китая. Клань и политическое группировки КНР. М.: Концептуал. – 224 с.

Валлерстайн И. (2001). Анализ мировых систем и ситуация в современном мире // И. Валлерстайн; пер. с англ. П. М. Кудюкина; под общ. ред. Б. Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга. – 416 с.

Глазьев С.Ю., Львов Д.С. (1986). Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы. Т. 22. № 5. С. 793-804.

Захаров А.Н., Русак Н.А. (2018). Внешняя торговля Китая со странами Африки // Российский внешнеэкономический вестник. № 4. С. 68-75.

Комолов О.О. (2017). Норма прибыли в контексте нестабильности мировой экономики // Вестник Института экономики РАН. № 3. С. 35-52.

Комолов О.О. (2018). Деглобализация в контексте мировой экономической стагнации // Экономическое возрождение России. № 4 (58). С. 50-63.

Кудияров С. (2021). Опала коалы: шанс для русского коула // Эксперт № 7. 8-14 февраля 2021. С. 22-26.

Маслов Г.А. (2019). Технично-экономическое развитие и возвращение протекционизма // Проблемы современной экономики. № 1 (69). С. 43-47.

Островский А.В. (2019). Экономика Китая после XIX съезда КПК: движение вверх (по материалам XIX съезда КПК и 1-й сессии ВСНП 13-го созыва) // Экономика КНР в свете решений XIX съезда КПК // отв. Ред А.В. Островский. М.: ИДВ РАН. С. 5-20.

Островский А.В. (2020). Китай становится экономической сверхдержавой. М.: Институт Дальнего Востока РАН: ООО «Издательство МБА». – 496 с.

Петлев В., Трифонова П. (2018). Пошлины не напугали металлургов. Почему протекционизм может сыграть на руку российским производителям металлов / Вedomости. 24.05.2018. <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/05/24/770538-poshlini-metallurgov>

Amin S. (1996). The challenge of globalization // Review of International Political Economy. Vol. 3. № 2. Pp. 216-259.

Amin S. (2013a). China 2013 // Monthly Review. 64 (10). URL: <https://monthlyreview.org/2013/03/01/china-2013/>

Amin S. (2013b). *The Implosion of Contemporary Capitalism: The challenge for the radical left.* NYU Press. – 144 p.

Fan R. (2015). *China's Excess Capacity: Drivers and Implications,* Law Offices of Stewart and Stewart. [http://www.stewartlaw.com/Content/Documents/China's %20 Excess %20Capacity %20- %20Drivers %20and %20Implications.pdf](http://www.stewartlaw.com/Content/Documents/China's%20Excess%20Capacity%20-%20Drivers%20and%20Implications.pdf)

Harvey D. (2003). *The new imperialism.* NY: Oxford university press. – 253 p.

Ozawa T. (1993). *Foreign direct investment and structural transformation: Japan as a recycler of market and industry // Business and the Contemporary World.* Vol. 5. №. 2. Pp. 129-150.

Peer Review of the Korean Shipbuilding and Related Government Policies / OECD, Council Working Party on Shipbuilding, 2015. URL: [http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=c/wp6\(2014\)10/final&doclanguage=en](http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=c/wp6(2014)10/final&doclanguage=en) P. 37.

Shipbuilding Statistics / The Shipbuilder's Association of Japan, 2020. URL: https://www.sajn.or.jp/files/view/articles_doc/src/fcd3f818ebf3318cfd89e293f5bbac1b.pdf P. 3.

Spohrer J. (2004). *NBICS (Nano-Bio-Info-Cogno-Socio) Convergence to Improve Human Performance: Opportunities and Challenges // Roco M., Bainbridge W. (eds). Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science.* Arlington.

Steel Statistic Yearbook 1995. (1996). Committee on Economic Studies. International Iron and Steel Association – Brussels. <https://www.worldsteel.org/en/dam/jcr:9e6e990a-939c-4967-8db0-d86bfd84cad4/Steel+statistical+yearbook+1995.pdf>

Steel Statistical Yearbook 2020 concise version. (2020). World Steel Association – Brussels. URL: [https://www.worldsteel.org/en/dam/jcr:5001dac8-0083-46f3-aadd-35aa357acbcc/SSY %25202020_concise %2520version.pdf](https://www.worldsteel.org/en/dam/jcr:5001dac8-0083-46f3-aadd-35aa357acbcc/SSY%25202020_concise%2520version.pdf).

Woetzel J., Chen Y., Manyika J. et al. (2015). *The China effect on global innovation // McKinsey Global Institute.* Pp. 41-102.

Rafael E. Abdulov¹, Oleg O. Komolov², Tamara D. Stepanova³

THE CRISIS OF THE AMERICAN CYCLE OF ACCUMULATION, AND THE PROSPECTS FOR CHINA IN THE STRUGGLE FOR THE STATUS OF A NEW HEGEMON*

Keywords: *globalization, China, USA, technological pattern, ferrous metallurgy.*

The paper is dedicated to assessing the prospects of China in the struggle for the place of the new hegemon of the capitalist world-system against the background of the crisis in the American systemic cycle of capital accumulation. The authors consider the strengths and weaknesses of the PRC economy, the current form of which was acquired through its industrial development as a part of the (semi) periphery of world capitalism. It is noted that China has made significant progress in the development of the manufacturing industry. On the example of ferrous metallurgy, it is shown how the PRC carries out world expansion, successfully entering into confrontation with the countries

of the core of world capitalism. China is trying to form an infrastructure of control over the European, Latin American and African regions. At the same time, the model of China's economic development, based on the exploitation of cheap labor, limits the country's ability to introduce the sixth technological order, increase labor productivity and reduce dependence on foreign markets. The possibility of resolving such contradictions largely lies in the political plane and depends on the alignment of forces in the head of the Communist Party of China, which sets the vector of the country's socio-economic development.

REFERENCES

Amin S. (1996) The challenge of globalization // Review of International Political Economy. Vol. 3. №. 2. Pp. 216-259.

Amin S. (2013a) China 2013 // Monthly Review. 64 (10). URL: <https://monthlyreview.org/2013/03/01/china-2013/>

¹ **Rafael E. Abdulov**, Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Economics, National Research Nuclear University MEPhI, Moscow, Russia (r.abdulov@mail.ru).

² **Oleg O. Komolov**, Ph.D., Senior Researcher, IE RAS, Associate Professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (oleg_komolov@mail.ru).

³ **Tamara D. Stepanova**, post-graduate student, engineer of the department of Moscow State University. M.V. Lomonosov, Moscow, Russia (tamm.st@yandex.ru).

* **JEL-codes:** F01, F02, F51, F60

* **Citation:** Abdulov R.E., Komolov O.O., Stepanova T.D. (2021). The crisis of the American cycle of accumulation and china's prospects in the struggle for the place of the new hegemon, 1 (25): 78-102.

DOI: 10.5281/zenodo.4666089 (<https://zenodo.org/record/4666089>)

Amin S. (2019) Financial Globalization: Will China Join It? // Problems in political economy. No. 1. Pp. 23-33. (In Russ.)

Amin S. (2013b) The Implosion of Contemporary Capitalism: The challenge for the radical left. NYU Press. – 144 p.

Arrigi J. (2006) Long twentieth century. Money, power and the origins of our time. Moscow: Publishing House « Territoriya budushchego». – 470 p. (In Russ.)

Brennan L., Rakhmatullin R. (2015) Global Value Chains and Smart Specialisation Strategy. Thematic Work on the Understanding of Global Value Chains and their Analysis within the Context of Smart Specialisation; EUR 27649 EN. P.8. DOI: 10.2791/44840

Glazyev S. Yu., Lvov D.S. (1986) Theoretical and applied aspects of scientific and technical progress management // Economics and Mathematical Methods. Vol. 22. No. 5. Pp. 793-804. (In Russ.)

Harvey D. (2003) The new imperialism. NY: Oxford university press. – 253 p.

Komolov O.O. (2017) Rate of return in the context of instability of the world economy // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. No. 3. Pp. 35-52. (In Russ.)

Komolov O.O. (2018) Deglobalization in the context of global economic stagnation // Economic revival of Russia. No. 4 (58). P. 50-63. (In Russ.)

Kudiyarov S. (2021) Koala disfavor: a chance for Russian coal / Expert №7. 8-14 February. Pp.22-26. (In Russ.)

Li M. (2008) The rise of China and the demise of the capitalist world economy. London: Pluto Press. – 208 p.

Maslov G.A. (2019) Technological and economic development and the return of protectionism // Problems of modern economics. No. 1 (69). Pp. 43-47. (In Russ.)

Ostrovsky A.V. (2019) Economy of china after the XIX congress of the CPC: moving up (Based on the Materials of the XIX Congress of the Communist Party of China and the 1st Session of the NPC of the 13th Convocation) // Economy of the PRC in the Light of the Decisions of the XIX Congress of the Communist Party of China. Moscow: IFES RAS. Pp. 5-20. (In Russ.)

Ostrovsky A.V. (2020) China is becoming an economic superpower. Moscow: Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences: Publishing House MBA. – 496 p. (In Russ.)

Ozawa T. (1993) Foreign direct investment and structural transformation: Japan as a recycler of market and industry // Business and the Contemporary World. Vol. 5. №. 2. Pp. 129-150.

Peer Review of the Korean Shipbuilding and Related Government Policies / OECD, Council Working Party on Shipbuilding, 2015. URL: [http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=c/wp6\(2014\)10/final&doclanguage=en](http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=c/wp6(2014)10/final&doclanguage=en) P. 37.

Petlev V., Trifonova P. (2018) The duties did not frighten the metallurgists. Why protectionism can play into the hands of Russian metal producers/Vedomosti. 24.05.2018. (In Russ.) <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/05/24/770538-poshlini-metallurgov>

Shipbuilding Statistics / The Shipbuilder's Association of Japan, 2020. URL: https://www.sajn.or.jp/files/view/articles_doc/src/fcd3f818ebf3318cfd89e293f5bbac1b.pdf P. 3.

Spohrer J. (2004) NBICS (Nano-Bio-Info-Cogno-Socio) Convergence to Improve Human Performance: Opportunities and Challenges // Roco M., Bainbridge W. (eds). *Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science*. Arlington.

Steel Statistic Yearbook 1995. (1996) Committee on Economic Studies. International Iron and Steel Association – Brussels.

Steel Statistical Yearbook 2020 concise version. (2020) World Steel Association – Brussels. URL: [https://www.worldsteel.org/en/dam/jcr:5001dac8-0083-46f3-aadd-35aa357acbcc/SSY %202020_concise %20version.pdf](https://www.worldsteel.org/en/dam/jcr:5001dac8-0083-46f3-aadd-35aa357acbcc/SSY%202020_concise%20version.pdf)

Vavilov N. (2019) The uncrowned kings of red China. Clans and political groupings of the PRC. Moscow: Conceptual. – 224 p. (In Russ.)

Wallerstein I. (2001) *Analysis of world systems and the situation in the modern world*. Translated from English by P. M. Kudyukin. Under the general editorship of B. Yu. Kagarlitsky, candidate of political sciences. St. Petersburg: Publishing House « Universitetskaya kniga». – 416 p. (In Russ.)

Woetzel J., Chen Y., Manyika J. et al Houston (2015) The China effect on global innovation // McKinsey Global Institute. Pp. 41-102.

Zakharov A.N., Rusak N.A. (2018) Foreign trade of China with African countries // Russian Foreign Economic Bulletin. No. 4. Pp. 68-75. (In Russ.)